

ХОЗЯИН НЕТИПИЧНОГО ДОМА

КТО НЕ ЗНАЕТ, что испокон веков дом англичанина — его крепость!

И все же мне довелось убедиться, что наряду с домами-крепостями существуют в Англии и дома совсем иные. Например, дом Гордона Паркера — светлый, открытый, дружелюбный. Он стоит на краю деревушки в десяти от промышленного Ньюкасла.

Я гостил в доме Паркера летом 1981 года. Но знакомство наше состоялось двумя годами раньше: в марте 1979 года он пришел в мой гостиничный номер из уютного воскресного утра. Запомнились скромная спортивная куртка, открытое улыбающееся лицо и крепкое рукопожатие человека, знающего, что такое физический труд.

Та лондонская встреча была недолгой — Гордон спешил обратно в Ньюкасл на работу. Я передал ему несколько экземпляров его книги «Темное утро», вышедшей в Москве на английском языке, и спросил о том, что меня давно занимало. Почему для своего писательского дебюта он выбрал историческую тему — жизнь английских шахтеров в середине XIX века? Паркер дал

исчерпывающий ответ: «Каждое утро по пути на работу я проезжаю мимо памятника погибшим во время катастрофы в 1862 году. Неписать о них было моим долгом».

В XIX и в первой половине XX века район Ньюкасла превратился в крупный промышленный центр. Вплоть до 60-х годов нашего столетия в округе были сосредоточены крупнейшие на Британских островах угольные разработки, однако сегодня невыработанных шахт почти не осталось. Клонится к закату и вторая ведущая отрасль — судостроение.

Рабочий Север — давняя и признанная цитадель лейборизма. Каких только неслучных и далеко не всегда цензурных эпитетов в адрес миссис Тэтчер не услышали в ее адрес. Но в старинном, XVIII века лагерь Гордон, по убеждениям, прямо скажем, не консерватор, был несколько смущен языковой избирательностью своих земляков.

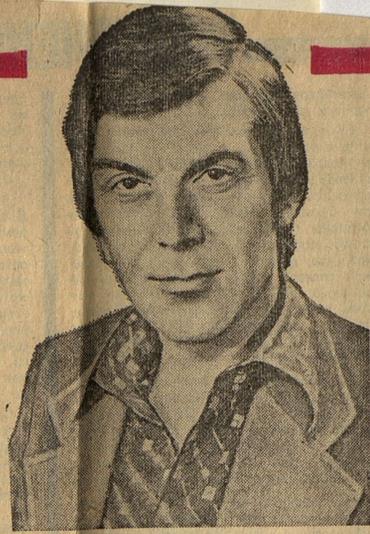
Окружение писателя, его дом, те, что изо дня в день с ним рядом, — все это помогает лучше понять его книги. Каждодневный жизненный опыт исподволь складывается в биографию.

Гордон Паркер родился в 1940 году в Ньюкасле. Отец его всю жизнь работал электромонтером. Тест — шахтер, двадцать пять лет проводивший в забое. Будущий писатель учился в вечернем политехниче-

ском институте, получил специальность судового инженера. Два года плывал механиком на танкере. До сих пор работает в фирме, производящей турбины, а пишет по вечерам и в выходные дни — литературой на Западе прожить нелегко.

Роман «Омут» — трагедия по счету книга писателя. Пролог «Омута» сразу же задает роману трагическую тональность. Читатель знает итог жизненного пути Марка Белфорда, пути мучительных сомнений и непоправимых ошибок. Хотя начало его карьеры должно как будто укрепить веру в прочность и неизбежность хваленной британской демократии: простой чертеник становится членом городского совета. Но, оставаясь честным идеалистом, мечтающим принести городу хоть какую-то пользу, он с самого начала обречен на поражение.

Чиновники муниципалитета продажны и готовы протолкнуть любой проект, выгодный истинным хозяевам города: члены городского совета либо вовсе безразличны к делам, либо преследуют свой корыстный интерес. Противостоять этой отлаженной машине не смог бы и более умудренный политик, нежели Марк, и он попадает в ловушку, умело составленную предпринимателем. Смитсоном, Марк мечтает о спортивном центре для детей — Смитсону же нужен в городском совете человек, который поддержит заведомо проигрышную смету строительства. Реальная сумма расходов Смитсона выставит уже

ПОРТРЕТ НА ФОНЕ
НОВОЙ КНИГИ:

Гордон ПАРКЕР

ОТРЫВОК
ИЗ РОМАНА
«ОМУТ»

БОЛЬШОЙ ДЕНЬ МАРКА БЕЛФОРДА

Георгий
АНДЖАПАРИДЗЕ

УЖЕ СТОЯЛА осень, а Марк Белфорд только что заметил ее. Ранним октябрьским утром, услышав ломкий шорох опавших листьев, гонимых порывистым ветром, он вдруг понял: это осень. Весь год он провел словно в спячке: зима, весна и лето пришли и ушли вдали туманными свиданиями. И в прошлом году было точно так же. Но в голове теперь прояснилось, и глаза заблестели при виде шуршащей волны листьев на дорожке сада. Некоторое время он смотрел на эту темную волнующуюся массу, потом глубоко затаился и отошел от окна.

В комнате ни звука. Казалось, весь дом затаил дыхание и в страхе ждал, что же он, Марк, будет делать. Марк стоял, безвольно опустив руки, и оглядывал окружающий его беспорядок. На кровати — ворох грязного белья, по полу разбросана одежда, на туалетном столике гора тарелок и чашек с недопитым кофе. Ему стало тошно. Будто он давно не мылся. Будто он окупился когда-то в выгребную яму и с тех пор все его тело покрыто засохшими нечистотами. Двинувшись с места не было сил. Наконец догоревшая сигарета обожгла ему пальцы, и это словно пробудило его. Он яростно раздавил ее в пепельнице, уже заваленной окурками, лизнул пальцы и потер их. Потом снова повернулся к окну и стал смотреть в сад. Светало.

— Сегодня... — прошептал он, обращаясь к кому-то там, за стеклом, где природа жила обычной для этого времени года жизнью. — Сегодня мой день...

КОГДА он вышел, было еще очень рано. Перед выходом он принял душ и побрился — спокойно, заученными движениями. Надел чистую рубашку и строгий костюм в узкую полоску, приобретенный для торжественного случая. Новые ботинки слегка жали, но он сразу почувствовал себя лучше. Шуршание ворсистого текстиля успокаивало его. Он давно мечтал надеть этот костюм, увидеть свое отражение в глазах восхищенной толпы. Костюм был шит на заказ у дорогого портного Цепечи, Марк четыре раза ходил на примерку. Он гордился своим новым костюмом. Это была единственная вещь, которую он мог с полным правом назвать своей. Единственная, никем не оскверненная.

Небо было бледно-голубое, морозное. На востоке, над самым горизонтом, поблескивал серп убывающей луны. Дул прохладный ветерок, предвестник близкой зимы. Марк медленно пошел по длинной извилистой аллее, не обращая внимания ни на листья, гонявшиеся друг за другом у него под ногами, ни на белую надпись на дверях гаража. Четыре слова: «Белфорд виновен» — и чуть ниже: «Белфорд свободен». Накануне он яростно стирал эту надпись, словно весь мир рвался взглянуть на нее. Надпись не стиралась, и он был в таком отчаянии, что даже не додумался закрасить ее. Но теперь это уже неважно. Он помедлил немного в конце аллеи, глядя на свой роскошный дом, полускрытый деревьями. Ему хотелось снова прийти в восторг, вызвать в себе то чувство, которое он испытывал еще несколько месяцев назад, но в душе было пусто. Он видел

Уиттона и очень гордился тем, что ее удалось купить так дешево.

«Божий» дом стоял в тупике. «Богом» называли мэра — советника Элдриджа. Марк Белфорд и Бог одно время были довольно близки, но сейчас он прошел мимо дома Элдриджа, даже не поглядев в ту сторону. На мгновение ему представилось, как Бог, крепкой рукой обхватив не объятую талию жены, блаженно похрюкивает и видит во сне свой триумф: приветственные возгласы толпы, жареную индейку, обмен любезностями с министром спорта и туризма. Марк невольно улыбнулся. Бога ждет большой сюрприз.

Вскоре спуск кончился, деревья и красивые лужайки остались позади. Холм перешел в длинную извилистую улицу с двумя рядами стандартных заборчатых домишек викторианской эпохи, ведущую к центру Грантона, где Марк появился на свет. Отвратительный городишко, гноящаяся рана на теле промышленной Англии; сколько прекрасных идей, проектов и планов родилось здесь, но все они были похоронены теми, кто признает только высокие трубы да мрачные заводские здания в функциональном стиле. Прямая кишка Севера, как выразился один остряк несколько лет назад в телевизионном репортаже. Советник Элдриджа чуть удар не хватил. Потом он с мятой петицией в потной руке, хромая, обошел весь город, но собрал только двадцать две подписи. А острая боль забылась. В Грантоне не было ничего, кроме работы, сна да жалких развлечений вроде баров, бинго-клуба и киношки. Пока Марк Белфорд не взял дело в свои руки. И вот он настал, его день.

— Советник Белфорд! А советник Белфорд! — раздавался слабый старческий женский голос.

Марк остановился, точно зная, кто его окликнул. Потом тяжело вздохнул и обернулся. Тощая сутулая фигура, влекомая тремя фыркающими китайскими мопсами, неотвратимо приближалась. Он не двигался с места, настороженно глядя на женщину из-под тяжелых век. Бледное морщинистое лицо, на висках набухли голубые вены. Вставные зубы — большие, плохо подогнанные, унылого безжизненно-серого цвета.

— Ах, советник Белфорд, — зашептала она, — не ожидала встретить вас так рано. Не спится, а? Ах вы, шалуниска! Посмотрите, сегодня же ваш большой день! Это соображение, как видно, привело ее в восторг. — Я понимаю, вы все так взволнованы. Ждете не дождетесь?

Марк открыл было рот, чтобы ответить, но тут же закрыл, чувствуя, что у него дрожат губы. Менее всего ему хотелось сейчас встретить мисс Милрой: эта чудакватая особа в твидовом пальто, грубых башмаках и серых чулках постоянно донимала его своими идеями; то ей

требовалось (за счет коммунальных налогов) кладбище для домашних животных, то приют для престарелых собак, то салон красоты, то ветеринарная лечебница с операционной.

Костлявой рукой она подергала его за рукав:

— Ах, какой вы нарядный! Сегодня большой день для вас и для всего города. Вот и мои маленькие друзья тоже восхищаются вами.

Марк взглянул на трех собачек, которые возлились и ворчали у его ног. Он не выдержал и взглянул на них. Они всегда напоминали ему каких-то моллюсков, живущих в раковинах в темной морской глубине.

— Благодарю вас, мисс Милрой, — прошептал он. — Я сделал все, что мог.

— Ну конечно, — сказала она ворчливо.

крепче сжал сломанную палку от метлы — это был его автомат — и притаялся, выжидая. Потом вдруг вскричал с неистовым криком и стал поливать противника свинцом. Сначала Фредди Джексон и Томми Пайпер испугались — он видел их грязные лица, вытаращенные глаза и разинутые рты. Ну нет, это нечестно! Так вся игра сразу кончилась. И, не обращая внимания на стрельбу, они бросились вперед с отвагой своих любимых киногероев. Но едва они сделали несколько шагов, как нетвердая почва в буквальном смысле ушла у них из-под ног. Самовозгорание уже давно медленно, но верно пожирало изнутри огромный холм, который поэтому был все время окутан дымом; теперь от холма осталась лишь тонкая, словно запеченная корочка. Фредди Джексон и Томми Пайпер бесследно исчезли, а там, где они только что стояли, из-под земли вырвалось облако горячего едкого газа.

Марк не миг окаменел, не в силах поверить тому, что видел. Другой больше не было, их поглотила злая огненная шашка, похожая на жерло вулкана дыра. Потом он отчаянно закричал и, спотыкаясь от ужаса, понесся прочь. Сперва он бежал по ровному месту, а когда начался крутой пыльный спуск, уходящий прямо в Даттоновский пруд, Марк, ни о чем не думая, пожелал вниз. Но тут же споткнулся, полетел кубарем, упал на спину и заскользил, безудержно заскользил к этой вонючей мерзкой луже, которая пузырилась, и смердяла от дохлых кошек и гниющих отбросов. Он ухватился переворотом на живот, хватаясь пальцами за камни, но удержаться не смог и с головой погрузился в густую жидкость. Она сразу закупорила ему рот, нос и уши. Все внутри будто одеревенело. Вынырнув, он закричал, но вместо крика получился только какой-то маслянистый булькающий звук. Начались судороги, и он снова пошел ко дну. И тут что-то крепко схватило его. «Чудовище», — успел он подумать, теряя сознание (о Даттоновском пруде рассказывали всякие страшные сказки). Но он вытиснулся. Это была человеческая рука, которая вытаскивала его из вязкой жижи. Больше он ничего не помнил, пока не пришел в себя в приватной комнате накрашенной белыми обоями. Он увидел мать, отца и еще кого-то — незнакомого, черноватого гнома. Это был Матти Досон, двадцатилетний шахтер, его спаситель. Матти стал с тех пор его другом, но когда Марк, снова чувствуя во рту отвратительный вкус тины, оторвался от своих воспоминаний и посмотрел на Грантонский центр, он подумал: а стоило ли Матти в тот день прилагать такие усилия?..

Запертый Грантонский центр хранения молчания. Над главным входом — пологатый балдахин для Очень Важных Персон. Для министра спорта и его бесчисленных прихлебателей. Для архитектора Уиллоуби, самодовольного и непробиваемого. Для строителя Смитсона, который будет бодрюще подмигивать. Для Бога и его шати, которые займут лучшие места, растолкав многочисленных гостей из графств. Все они соберутся там. Часа через два ленточку на дверях перевернут; взамах ложница, несколько острот и шумное ликование толпы.

Марк снова скользнул взглядом по зданию. Если бы можно было обнять его и прижать к груди! Он бился за него — угоривал, требовал, унижался. И наконец победил и увидел, как оно медленно, кирпич за кирпичом поднимается из трясины его детства. Лучший спортивный центр на севере Англии. Более современное, более универсальное, более красивое здание просто невозможно себе представить! Он создавал его, но потерял себя. Он потерял жену, детей и Матти. Здесь перед ним была его мечта, воплотившаяся в реальность. Место для отдыха и развлечения. Где и молодежь, и старики смогут набираться сил и давать выход накопленной энергии. Где можно будет учиться плавать, не испытывая страха, что терзает его с того самого дня на Даттоновском пруду. Центр стал для Марка навязчивой идеей, и он отдал ей все.

Марк отвер дверь. Внутри было тихо, как в его доме. Он устал прошел по коридору к площадке для сквоша и толкнул дверь в огромный главный зал — кремовый, сверкающий полированными деревом и расчерченный цветными линиями для игры в бадминтон, баскетбол и мини-футбол. Оглядевшись, мысленно слыша голос советника Элдриджа и его оскорбительные замечания по поводу неопределенных затрат. Правда, это было в самом начале, пока дело не дошло до размещения заказов — тут Элдридж из скептика живо превратился в энтузиаста.

Марк немного постоял, вдыхая запах дерева; он чувствовал почти такое же удовлетворение, как некогда в дни своей скоротечной славы. Но потом гнетущая тоска снова захлестнула его, и он двинулся дальше.

Наконец он дошел до плавающего бассейна. Распахнул двери и долго не мог взглянуть на чистый спокойный прямоугольный голубой воды, от которой веяло таким холодом. Обвел взглядом галерею для зрителей и высокий сводчатый потолок — под ним еще не рассеялся полумрак раннего утра. Слева в углублении находилась коробка с выключателями. Он нажал их все по очереди, полыхнула вспышка, собор ожил и засверкал. Теперь вода была уже совсем небесного цвета, а кафе мерцало и светилась, пригласив подойти ближе. Марк осторожно пошел вдоль бассейна, не отрывая испуганного и зачарованного взгляда от дна, которое постепенно опускалось и уходило на глубину пяти метров. Шаги его отдавались гулким эхом. Добравшись до вышки для прыжков в воду, он начал, как лунатик, подниматься по ступенькам, глядя прямо перед собой остекленевшими глазами. Он остановился только на самом верху, на высоте десяти метров над бассейном, и медленно опустил взгляд к воде — прекрасной, безмятежной и такой светлой и прозрачной, словно это была не вода, а жидкий воздух.

— Сегодня мой день, — прошептал он. — Сегодня мой день, — повторил он громче.

И закричал. Крик этот раздавался снова и снова, отражаясь от стен и постепенно затухая. Это был крик его души, громкий, отчаянный и протяжный. Крик тоски и отчаяния к самому себе. Крик тоски по жене и детям. Крик сожаления о Матти. Этот крик был воспоминанием о маленьких Фредди Джексоне, Томми Пайпере и Альфи Троттере. Насмешкой над советником Элдриджем, над Смитсоном и Уиллоуби. Вызовом давнему страху, с которым он всегда смотрел на воду...

И когда крик замер и в зале снова воцарилась тишина, он прыгнул.

Перевел с английского
В. АИЩЕНАЗИ

Рисунок А. ОСТРОМЕННОГО